

Захаров Сергей Михайлович

НЕНАСИЛЬСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ И СМЕХОВАЯ КУЛЬТУРА: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

В данной статье говорится о том, почему в условиях авторитарных политических систем субъекты политического процесса могут прибегать к ненасильственным формам давления на власть. Автор считает, что наиболее эффективной формой ненасильственного сопротивления может стать смеховая культура. Опыт ненасильственного сопротивления в современной Украине свидетельствует, что у подобной формы существует довольно широкая социальная база, что во многом и объясняет данный выбор.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-2/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. II. С. 84-87. ISSN 1997-292X

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Егоров С. Б., Киселёв С. Б., Чистяков А. Ю.** Этническая идентичность на пограничье культур: по материалам обследования сельского населения Ленинградской и Смоленской областей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007.
2. **Етоева З. И.** Поселения и жилища вепсов конца XIX – начала XX в. // Этнография народов Восточной Европы: сб. статей. Л., 1977. С. 125-139.
3. **Новожилов А. Г.** Итоги экспедиционных работ кафедры этнографии и антропологии СПбГУ по изучению южных вепсов в 1992-1993 гг. // Из истории Санкт-Петербургской губернии: Новое в гуманитарных исследованиях: сб. науч. трудов. СПб., 1997. С. 157-164.
4. **Цветкова Н. Н.** Антропологические исследования вепсов // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов: сб. науч. трудов. СПб., 1994. С. 19-23.
5. **Цветкова Н. Н.** Антропология вепсов (обзор и новые данные) // Историческая этнография: межвузовский сборник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1993. Вып. 4. Проблемы археологии и этнографии. С. 26-48.

**STUDYING THE VEPSIANS AT THE DEPARTMENT OF ETHNOGRAPHY
AND ANTHROPOLOGY OF THE HISTORY FACULTY OF SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY**

Egorov Sergei Borisovich
Saint Petersburg State University
arskaht@mail.ru

The publication for the first time examines the work of the Department of Ethnography and Anthropology of the History Faculty of Saint Petersburg State University on studying the Vepsians – one of the Baltic-Finnish peoples of Russia. This ethnos studying was based for the most part on the field research conducted during the expeditionary activity of the teachers and students of the Department. The findings were represented in course and diploma papers, presentations at scientific conferences, publications, educational courses. Currently they implement the digitization of the field materials stored in the Department archive and their submission in electronic form.

Key words and phrases: the Vepsians; Department of Ethnography and Anthropology; Northwest of Russia; field research; ethnographic education; electronic archive.

УДК 323.25

Политология

В данной статье говорится о том, почему в условиях авторитарных политических систем субъекты политического процесса могут прибегать к ненасильственным формам давления на власть. Автор считает, что наиболее эффективной формой ненасильственного сопротивления может стать смеховая культура. Опыт ненасильственного сопротивления в современной Украине свидетельствует, что у подобной формы существует довольно широкая социальная база, что во многом и объясняет данный выбор.

Ключевые слова и фразы: активизм; власть; делегитимация; ненасильственное действие; политическая система; смеховая культура.

Захаров Сергей Михайлович

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
zakharov1201@rambler.ru

**НЕНАСИЛЬСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ И СМЕХОВАЯ КУЛЬТУРА:
ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ®**

Трансформационные процессы, происходящие на постсоветском пространстве, следует связывать с поиском форм политической активности. Вариативность реализации субъектного потенциала находится в прямой зависимости от кондиций той или иной политической системы.

В авторитарных политических системах сведены к минимуму возможности оппозиционной мобилизации и внесистемной институционализации, что затрудняет процессы делегитимации. В демократических политических системах существуют необходимые условия для реализации субъектного потенциала как реакции на вызовы условий повседневности, трансформирующиеся в акты как мирного, так и радикального характера. В этот момент для правящих элит наступает своеобразный момент истины, когда требуется или удовлетворить требование, или выбрать иную форму реакции. Выбор в пользу репрессивных схем свидетельствует о нежелании власти демократизироваться, и наоборот, удовлетворение экспектаций свидетельствует о стремлении элиты к компромиссам. «Политическая власть, легитимность которой подвергается сомнению, оказывается

в сложной ситуации, будучи вынужденной использовать весь свой инновационный потенциал на поддержание легитимности. В противном случае правящий режим уступает место более мобильному и ресурсоспособному политическому актору» [10, с. 47]. Следует учитывать, что в авторитарных режимах ключевую роль играет не столько кредит доверия, сколько прочность политической системы, завязанная на роли лидера/элиты.

Политический режим с неохотой идет на уступки, используя все возможные ресурсы для сохранения собственных позиций. Подчас происходит даже трансформация самой функции институтов политической системы. Важнейшей прерогативой становится сохранение власти. Ради этого может и увеличиваться количество институтов подавления, позволяющих «господствующей элите обращаться к насилию в политических целях, отличных от первоначально заявленных. Это может означать, например, что в условиях насильственного режима, переходящего в диктатуру, полиция или армия, изначально предназначенные для защиты людей, могут быть переориентированы на подавление и террор» [12, с. 78].

Опыт протестной активности в различных политических системах, в том числе признанных демократиях, демонстрирует довольно широкие возможности власти в использовании ею репрессивных механизмов: подавление выступлений рабочих и поддержавших их студентов в Кордове («Кордобасо»); расстрел студентов Кентского университета; разгон активистов «Occupy Wall Street»; освобождение Сорбонны от студентов, протестующих против введения правительством Д. де Вильпена нового типа трудового контракта; разгон демонстрантов, протестующих против реконструкции вокзала в рамках проекта «Штутгарт-21». Таким образом, репрессивные механизмы являются возможным вариантом реакции на протестные действия с учетом допустимых потерь кредита доверия и ослабление прочности политической системы.

Как отмечает Д. Шарп, «насилие считается высшей санкцией, наиболее эффективной формой действия, а потому и необходимой для достижения желаемых социальных, экономических и политических перемен. Считается также, что насилие необходимо для защиты общества от враждебных нападков» [Там же, с. 79].

Использование властью репрессивных механизмов может привести к расширению социальной базы протеста. В этих условиях «бунтовщиком становится отнюдь не только сам угнетенный. Бунт может поднять и тот, кто потрясен зрелищем угнетения, жертвой которого стал другой. В таком случае происходит отождествление с этим угнетенным» [7, с. 129].

Однако необходимо отметить, что насилие в рамках протестной активности чаще всего воспринимается большинством как неприемлемый вариант. В этой связи механизмы ненасильственного сопротивления, эффективность которых была подтверждена в ходе «цветных» революций, следует расценивать как приоритетные.

Важным представляется дискурс ненасилия для политических акторов. По мнению А. Гусейнова, «ненасилие органически увязано с борьбой за справедливость, оно рассматривается как действенное, притом более действенное, чем другие, и адекватное средство в этой борьбе. Ненасильственная борьба есть единственно возможный и реальный путь к справедливости» [5]. Таким образом, наряду с положительным восприятием ненасильственных действий способны не только изменить отношения власти к какой-либо проблеме, но и саму политическую систему.

Большие возможности для реализации субъектного потенциала в рамках ненасильственного действия существуют в условиях изначально независимых от власти групп и институций. «Они имеют большое политическое значение, поскольку обеспечивают групповую и институциональную основу, с помощью которой можно оказывать влияние на власть и препятствовать другим группам или правительству, когда те несправедливо ущемляют их интересы. Отдельные люди, не входящие в такие группы, обычно не могут оказать значительно влияние на остальное общество, тем более – на правительство, не говоря уже о диктатуре» [13, с. 28].

Например, огромный протестный потенциал украинского «Евромайдана» был сосредоточен в сети Интернет, ежечасно порождавшей продукты смеховой культуры, дискредитировавшие правящий режим Януковича, с одной стороны, и сторонников евроинтеграции – с другой. Многочисленные видеоролики, демоматериалы, опросы и т.д. представляли некий иронический взгляд на политический процесс в современной Украине, способствуя тем самым политизации аудитории через смеховую культуру.

Заложенные в гражданском обществе потенции являются основой и для самой ненасильственной деятельности. «Она демократична, открыта для всех, представляет собой коллективное усилие, решение принимается сообща, все участвуют в выработке стратегии. Она, разумеется, требует дисциплины, но дисциплина эта является добровольной, отказ от насилия предполагает также отказ от насилия над самим собой. Ненасильственное движение имеет своих активистов, лидеров, однако один из важнейших признаков, по которому руководители выделяются среди остальных участников борьбы, состоит в том, что они в первую очередь и охотно принимают на себя возможные и, как правило, неизбежные репрессии» [5].

Ответом на репрессии власти могут стать ненасильственные действия в духе «политического джиджитсу», когда сила давления, оказываемая властью, пропорциональна ответной реакции, росту мобилизации и числа акторов оппозиции. В этих условиях акторы пытаются не выходить за рамки действующего законодательства, что во многом лишает режим возможности формального повода для давления. Однако не следует исключать, что власть не пойдет по пути упреждающих законопроектов, использованных, в частности, как реакция на протестную активность в ходе избирательной кампании 2011-2012 гг. в России или законопроект Олейника – Колесниченко, в рамках которого проведение митингов с установкой палаток, сцены, звука и другого оборудования предполагалось только с разрешения милиции. Также запрещалось ходить на митингах в масках, касках, военизированной форме [2].

Субъекты протеста ограничены рамками правил и инструкций в отличие от акторов оппозиции. Попытки подстраивания законодательства под ситуацию также, на наш взгляд, не являются панацеей от проявлений протеста, который способен обрести нестандартные формы. Так, в ответ на закон «О дополнительных мерах защиты безопасности граждан» на Народное вече 19 января 2014 г. сторонники «Евромайдана» пришли с одетыми на голову кастрюлями, дуршлагами, ведрами.

Следует заметить, что многие акции уличных протестантов в период подъема гражданской активности, независимо от их воззрений, зачастую выглядят как артистические действия, имеющие цель «вызвать возможно более широкий отклик в СМИ и социуме малыми силами, за счет продуманной режиссуры, шокирующих аксессуаров; политические акционисты призывают не столько к гражданскому сознанию или убеждениям зрителей, сколько к их эстетическим рефлексам и просто чувству юмора» [1, с. 8].

Театрализация создает условия для того, чтобы перехватить инициативу. «Яркая образность и символично красивые жесты создают ауру власти – они захватывают любого. Ставьте поэтому спектакли для окружающих, полные притягательных наглядных и лучащихся символов, которые бы преувеличивали долю вашего участия. В ослеплении от зрелища никто не заметит, сколько на самом деле вами сделано» [4, с. 414].

В своих творческих проявлениях субъект протеста начинает посягать на территорию власти. «Перформер изначально располагается в сфере притязаний власти, внутри ее дисциплинированной рамки. Поэтому любое творчество, осуществляющееся без ведома властных инстанций, само по себе рассогласовывает политический порядок. Субъект перформанса как бы пытается разорвать, раскачать эту рамку посредством культурных объективаций, постоянных демонстраций своей телесности» [11, с. 176].

Подобный формат уличного активизма, требующий как от авторов, так и от зрителей наличия вкуса и интеллектуальной подготовки, оказался, несомненно, привлекательным для студенческой молодежи, которая стала активным участником протестного *mainstream*, наполненного экстремальной романтикой, а образ «революционера», борющегося за свободу и справедливость, стал популярным трендом.

Политическое творчество оппозиции вызывает рефлексии наиболее референтной группы социума – интеллектуалов, что может являться опасным симптомом для власти. При этом «когда интеллектуалы ставят под сомнение существующий режим, его легитимность оказывается более слабой» [6, с. 155].

Существенным фактором, делегитимирующим правящий режим, выступает активизация смеховой культуры. Смех разрушает власть, освобождая самого субъекта «не только от внешней цензуры, но прежде всего от большого внутреннего цензора, от тысячелетиями воспитанного в человеке страха перед священным, перед авторитарным запретом, перед прошлым, перед властью» [3, с. 106].

Неслучайно активисты «Поры» не раз указывали на криминальное прошлое кандидата в президенты В. Януковича. В частности, был проведен уличный перформанс, где активисты ходили друг за другом в поло-сатых шапках, изображая заключенных. Происходящее говорило о следующем: «Мы новый кабинет министров, голосуйте за нас».

Некоторые студенты работали с интернет-спамом. В одном из электронных писем говорилось: «31 ноября Янукович победит. Почему? Потому что Хэллоуин и Янукович действительно что-то плохое». По мнению одного из активистов «Поры», юмор был наиболее эффективным способом распространения сообщений большему числу молодых людей [14, р. 30].

Тема получила развитие и в ходе «Евромайдана», когда кукла – президент В. Янукович была помещена в клетку на Крещатике.

Характеризуя подобные механизмы воздействия на власть, одна из ключевых фигур в «Черных Пантерах» Э. Кливер в резкой форме отмечал: «...стоит людям разок посмеяться над королем, посколоть зубы над правителями, воспринять их как нелепую шутку и подделку, как народ восстанет, прибьет свиней и сметет их власть. Высмеянная свинья = поджаренная свинья» [8, с. 10].

Экстравагантные действия ставят власть в затруднение в вопросе выбора механизмов реакции, требуя дополнительных ресурсных затрат от власти. При этом необходимо учитывать, что «власть лучше сохраняется в экономичном режиме, когда не приходится оперировать большими тратами» [9, с. 48].

Таким образом, демонстрация несогласия, проявляющаяся в ненасильственном действии и через смеховую культуру, создает условия для нервной атмосферы, что может стать причиной ошибок, ведущих к кризису легитимности, и вынудить власть начать реформирование политической системы.

Список литературы

1. **Альтернативная культура**: энциклопедия / сост. Д. Десятерик. Екатеринбург: Ультра; Культура, 2005. 240 с.
2. **Андреев В.** Обнародована схема работы новых законов Рады [Электронный ресурс] // Вести. 2014. 22 января. URL: <http://vesti.ua/kyiv/33985-obnarodovana-shema-raboty-novyh-zakonov-rady> (дата обращения: 31.01.2014).
3. **Бахтин М. М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 4 (2). 752 с.
4. **Грин Р.** 48 законов власти / пер. с англ. Е. Я. Мигуновой; науч. конс. В. В. Андрушкевич. М.: РИПОЛ классик, 2004. 576 с.
5. **Гусейнов А. А.** Этика ненасилия [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 1992. № 3. URL: <http://archive.is/jqudJ> (дата обращения: 30.01.2014).
6. **Доган М.** Легитимность режимов и кризис доверия / пер. с фр. Т. Н. Шумилиной // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 147-156.
7. **Камю А.** Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
8. **Рубин Д.** Действуй! Сценарии Революции / пер. с англ. О. Озерова. М.: Гилея, 2008. 233 с.

9. Скиперских А. В. Дискурс политической власти в сказочном тексте. Приглашение к медленному чтению. Герменевтические этюды. Елец: МУП «Типография», 2011. 211 с.
10. Скиперских А. В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. 142 с.
11. Скиперских А. В., Гарбуз А. А. Концепт «перформанс»: появление субъекта // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. Вып. 3. Ч. 1. 369 с.
12. Шарп Д. Ненасильственная борьба: лучшее средство решения острых политических и этических конфликтов? / пер. с англ. О. Н. Баташевой, М. А. Корзо // Философские науки. 1990. № 11. С. 78-83.
13. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения / пер. с англ. Н. Козловской. Изд-е 2-е, испр. М.: Новое издательство, 2012. 84 с.
14. Norman A.-M. Mobilization of Students in Connection with the Orange Revolution in Ukraine 2004. Stockholm: University of Stockholm, 2005. 50 p.

NON-VIOLENT ACTION AND LAUGHING CULTURE: EXPERIENCE OF MODERN UKRAINE

Zakharov Sergei Mikhailovich

I. A. Bunin Elels State University

zakharov1201@rambler.ru

The article touches upon the question why under the conditions of authoritarian political systems the subjects of political process may resort to the non-violent forms of lobbying the authorities. The author supposes that laughing culture may become the most effective form of non-violent resistance. The experience of non-violent resistance in modern Ukraine testifies that such form has a quite extended social base that in many ways explains this choice.

Key words and phrases: activism; power; delegitimization; non-violent action; political system; laughing culture.

УДК 321.01

Политология

Данная статья носит теоретический характер. Автор выявляет черты политической власти в России, сформировавшиеся под влиянием политической культуры. С этой целью проводится анализ существующих подходов к определению феноменов политической культуры и политической власти, анализ эволюции этих феноменов в российских исторически сложившихся реалиях, а также выявляет степень их взаимного влияния. На основе проведенного анализа с помощью системного подхода строится объективная картина национальных особенностей политической власти в России.

Ключевые слова и фразы: политическая культура; типология политических культур; политическая власть; политическое управление; моноцентрическая модель власти; этатизм; клиентеизм; русская модель управления.

Ибраимов Артур Александрович

Государственный университет управления

artur-duma@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ[©]

Большинству проявлений российской культуры свойственна бинарность (двойственность, дуалистичность). Н. А. Бердяев в своей работе «Русская идея» писал, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории Восток и Запад [Цит. по: 3]. Однако русская культура не представляет собой простой синтез западного и восточного начал, так как во многих сферах жизни эти начала существуют одновременно, зачастую конфликтуя между собой и порождая пресловутую загадку русской души, русского национального характера и российской действительности.

Целью данного исследования является выявление черт политической власти в России, сформировавшихся под влиянием политической культуры. Это предполагает решение таких исследовательских задач, как анализ существующих подходов к определению феноменов политической культуры и политической власти, анализ эволюции этих феноменов в российских исторически сложившихся реалиях, а также выявление степени их взаимного влияния.

Важнейшей сферой культуры как таковой является **политическая культура**. На сегодняшний день существует множество определений этого понятия. Так Е. Ю. Мелешкина определяет политическую культуру как систему ориентации и установок на политическую систему и её составляющие, а также относительно образцов политического поведения [7, с. 111].

А. И. Соловьёв, рассматривая различные подходы и обобщая их, пишет: «...политическую культуру можно определить как совокупность типичных для конкретной страны (группы стран) форм и образцов поведения людей в публичной сфере, воплощающих их ценностные представления о смысле и целях развития мира политики и закрепляющих устоявшиеся в социуме нормы и традиции взаимоотношения государства и общества» [9, с. 258].